

знамени в глазах туркестанских сартов и киргизов?

Отношения между различными национальностями Туркестана всегда были лояльны.

Составляющие большинство в крае киргизы и сарты жили между собою всегда мирно и не проявляли никакой нетерпимости в отношении населяющих Туркестан недержавных народностей. Только в период Февральской революции, когда из рядов русской демократии раздалась не совсем достойные голоса, это туземное большинство на один момент готово было стать на позицию национального шовинизма, но благодаря работам туземной демократии был легко обойден и этот острый угол. В дальнейшем, когда близорукая туркестанская советская власть своими мероприятиями задевала национальное самосознание туземного большинства, стали вновь появляться признаки узкого национализма, который советская власть в последнее время старается ликвидировать.

Борьба (Тифлис). 1920. 28 апреля.

¹ Датируется по: Грузия (Тифлис). 1920. 27 апреля.

² Ляоянское сражение — боевые действия 11 августа — 21 августа 1904 г. в районе города Ляоян (Северо-Восточный Китай) во время русско-японской войны 1904—1905 гг. В результате ошибок командующего русской Маньчжурской армией генерала А.Н. Куропаткина русские войска потерпели поражение.

³ См.: *Куропаткин А.Н. Задачи русской армии*. Т. 1–3. СПб., 1910. Перед заголовком указано: «Россия для русских».

№ 37

Сообщение газеты «Борьба» о беседе с М. Чокаевым о ситуации в Казахстане

22 мая 1920 г.¹

КИРГИЗСКИЕ ДЕЛА

В беседе с представителями прессы гр. М. Чокаев следующим образом охарактеризовал положение автономии киргизских областей.

Временное Всероссийское правительство (Уфимская директория) оставило в наследство «верховному правителю» Колчаку «все государственное управление, подчиненное единому Совету министров». И первой жертвой этой старой объединительной политики новой власти пало киргизское правительство — «Алаш-Орда».

Созданное еще в то время (декабрь 1917 г.), когда советская власть ограничивалась пределами Центральной России и киргизским областям угрожала «дутовщина», правительство «Алаша», благодаря своему демократическому народному характеру, сумело сохранить в степи порядок. А степь в порядке нуждалась более чем когда бы то ни было.

Пресловутое высочайшее повеление 1916 г. о призыве киргиз на тыловые работы вызвало в степи небывалое по своим размерам и глубине движение, воскрешая в отдельных местах в памяти народа восстание внука Аблай-хана² Кенесара Касымова³ в 40-х годах прошлого столетия.

Карательные экспедиции, помимо своих естественных, «законных» результатов, имели результатом массовый исход киргиз из России в пределы Монголии, Китая и Бухары.

Вести разбушевавшуюся жизнь киргиз в нормальную колею, дать возможность успокоиться народной психологии и создать условия, при которых можно было бы изжить изнутри общена-

родное бедствие — вот те задачи, которые всякая власть обязана была выполнить в степи в первую очередь.

Эпоха Февральской революции не смогла положить повсеместно прочное начало мирной трудовой жизни киргиз.

Революция, как Февральская, так и Октябрьская, изменившая всю государственную систему России, оказалась, к сожалению, бессильной изменить что-либо в массовой психологии русского населения на окраинах. Более того, революция обнажила всю глубину высокомерного отношения окраинных русских к *азиатам*.

Подобное отношение таило в себе еще более опасности, когда вдруг не стало авторитетного регулятора в виде общепризнанной центральной государственной власти.

Россия охватывалась пламенем гражданской войны. Сохранить порядок в киргизских степях, дать оторвавшемуся (после Октябрьской революции) от общегосударственной платформы национальному движению планомерно организованный, государственный характер могла только власть, вышедшая из недр самого народа, знакомая со всеми движущими пружинами своеобразного механизма киргизского родового строя. Такой именно властью мог быть и действительно стал Всекиргизский народный совет — «Алаш-Орда».

И роспуск этого правительства, не мыслившего киргизский народ вне связи с российским государством, доказывал лишь бессилие и капитуляцию Уфимской директории перед сибирской реакцией, воскресившей старую систему бюрократического централизма и недоверия к инородцам.

Военный министр директории адм. Колчак, сам активный сторонник такой именно инородческой политики, став верховным правителем, не сразу решился на фактическое упразднение киргизского правительства, ибо было ясно, что в условиях того времени получить что-либо с киргиз без помощи народного правительства невозможно.

Вынужденное обстоятельствами считаться с формально упраздненным киргизским правительством правительство адм. Колчака не могло, однако, мириться, *без боли и тревоги в душе*, с фактом организованного выявления национальной воли киргиз, хотя в скромных рамках автономии.

И исподволь сибирский собиратель Руси, он же «демократический» диктатор с печатью европейского признания, принимает меры к разрушению единства воли киргизского народа путем потакания честолюбивым замыслам темных представителей родов и **насаждения... феодализма**.

Утверждая (в августе 1919 г.) разработанное «Алаш-Ордой» Положение о киргизском суде, правительство Колчака награждением влиятельных киргиз-родовичей *почетными халатами* стремится вырвать отдельные племена киргиз из-под власти «Алаш-Орды». Когда же выяснилось, что *почетные халаты* недостат[очно] оцениваются киргизами, верховный правитель принялся за разделение киргизских степей на отдельные *бекства*. Таким образом, в киргизских степях насаждается феодализм, который даже во времена власти ханов не мог сделать здесь никаких успехов в своем развитии.

Так, во второй половине августа 1919 г. *грамотою адмирала Колчака киргиз Хасан* был пожалован званием *бека рода баганалы*.

Не желание удовлетворить интересы киргиз, составляющих конгломерат различных племен и родов монгольского и тюркского происхождения, объединенных в одно целое общностью их исторических судеб и однообразными условиями жизни вольных степей, — руководило «демократическим» диктатором, а единственно стремление путем передачи власти представителям отдельных племен внести раздоры и вражду в среду киргизского народа и разобщить его с интеллигенцией.

С глубоким негодованием встретили киргизы появление неизвестных в их истории *беков**.

История, если только она даст место на своих страницах деяниям сибирского «собирателя» Руси, воздаст должное за разрушение основ демократического строя и внесение межплеменной розни и анархии в налаживавшуюся жизнь степи.

Гораздо радикальнее Колчака оказался его подчиненный уральский атаман ген. Толстов. В начале ноября 1919 г. в намерении уничтожить правительство Западной (Зауральской) части Алаша (Уильский оляят), с которым Уральское войсковое правительство находилось в союзных отношениях, ген. Толстов разделил территорию Уильского оляята на две части с назначением генерал-губернаторами — генерал-майора Мартынова⁴ и полковника Бородина⁵.

Это означало не просто замену народной власти властью от атамана, а передачу киргизских степей в полное распоряжение озлобленных военными неудачами казачьих властей.

* Весь план разделения киргиз по отдельным бекствам не удался лишь благодаря падению самого верховного правителя и его правительства. *Прим. док.*

«Грабежей и насилий казаков над киргизами нет языка описать, — пишет 26 декабря 1919 г. ответственный киргизский политический деятель. — Все это вынудило киргиз перейти на сторону большевиков и открыть военные действия (с 27 декабря минувшего года) против казаков».

Таким образом, политика адм. Колчака и его агентов на местах бросила киргиз в объятия советской власти, первое знакомство с которой (в 1918 г.) в памяти киргиз оставило глубокий след внутреннего недоверия. Тогда случайные советские деятели заменили принципы классовой политики межплеменной враждой, объявляя один род киргиз (родственный комиссару-киргизу) стоящим на советской платформе, а другой — контрреволюционным.

Поскольку московский Совнарком продолжает говорить об особом киргизском национальном вопросе, обусловленном своеобразием исторических и бытовых особенностей жизни этого народа, он, т.е. Совнарком, необходимо должен считаться с отсутствием классовой дифференциации среди киргиз и опираться исключительно на подлинную трудовую массу.

Вне этих условий никакая положительная работа среди киргиз невозможна.

Борьба (Тифлис). 1920. 22 мая.

¹ Дата публикации.

² Абылай хан (Аблай) (1711–1781) — один из самых знаменитых ханов Среднего жуза.

³ Касымов Кенесары (1802–1847) — султан, с 1841 г. хан Среднего жуза в Казахстане, внук хана Аблая. В 1837–1847 гг. возглавлял движение, направленное на независимость Казахстана от России. В борьбе против России опирался на среднеазиатские ханства. Преследуемый царскими войсками, ушел в 1846 г. на юг, в пределы Старшего жуза. В 1847 г. совершил поход против киргизов, во время которого был убит.

⁴ Мартынов Василий Патрикеевич (1863–1920) — уральский казак, генерал-майор, в 1917 г. войсковой атаман Уральского казачьего войска, с избранием войсковым атаманом В.С. Толстова назначен его заместителем. После взятия 25-й Чапаевской дивизией Гурьева в январе 1920 г. захвачен в плен и расстрелян.

⁵ Бородин Георгий Кондратьевич (1860–1920) — командир 1-го Уральского казачьего полка (1908 г.), командир 2-й бригады 1-й Оренбургской казачьей дивизии, генерал-майор (1917 г.), летом 1919 г. уволен со службы.

№ 38

Статья М. Чокаева «Встреча с Нури-пашой¹ (Воспоминания)»

27 сентября 1920 г.

24 сентября 1919 г. я был вызван срочною телеграммою в Баку, где меня ждали, как гласила депеша, прибывшие из Туркестана лица. На самом же деле, как выяснилось по моем приезде, никаких туркестанцев не было, а встретиться хотел со мною...² Нури-паша.

С Нури раньше не встречался и знаком с ним не был. Меня же ему рекомендовали мои бакинские знакомые, и Нури высказал желание познакомиться и переговорить с туркестанским деятелем.

Это было в то время, когда Нури-паша, после удачного побега из батумского заключения, окруженный в глазах широких кругов мусульманского общества Закавказья ореолом героизма и мученичества за свой патриотизм, еще не нашел точки приложения своих сил.

Я знал, вернее — догадывался, о чем идти может речь при нашей встрече, и поэтому, не желая огорчить популярного в Азербайджане невольника на свободе своим заранее готовым отрицательным отношением к его возможным планам, хотел было уклониться от беседы, но, по настоянию некоторых близких ко мне лиц, согласился переговорить с Нури-пашой.

Встреча наша состоялась 25 сентября в доме Нагиева³, что на Торговой улице.

Нури вышел в сопровождении д-ра Фуада⁴, играющего ныне видную роль в турецких коммунистических кругах в Баку, и хозяина квартиры. Он был одет в черкеску, на вид очень молодой, красивый, с пронизательным взглядом...

Познакомились и обменялись взаимным сожалением о пребывании на чужбине, хотя тогдашний Азербайджан и для него и для меня был гостеприимной страной.

Недостаточно твердый в знании османского наречия, я предложил пригласить переводчика, так как беседа предполагалась быть очень ответственной.

Нури-паша проявил огромный интерес к Туркестану. Его больше всего интересовала, если можно так выразиться, военно-стратегическая емкость этой мусульманской страны... Он набросал передо мной обширный план военных действий, цель которых заключалась в освобождении как самого Туркестана, так и всех восточных мусульманских стран от ига чужеземцев.